

Д. В. Бубрих. Происхождение мышления и речи

Источник: Научный архив НИИГН, рукописный фонд сектора языка Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики, опись 2, ед. хр. 212, Л. 37–110.

Данный текст существует в нескольких копиях — машинописных и рукописных — незначительно отличающихся друг от друга: НА НИИГН: Я-210, л. 233–322 (авт. машин., автограф); Я-212, л. 37–110 (авт. машин., автограф); Я-222, л. 1–152 (рукоп.); л. 192–326 (19.01.1944, рукопись); л. 327–381 (17.01.1944, рукопись); л. 152–191 (рукоп. копия не рукой Бубриха); л. 382–401 (машин.); Я-221, л. 1–64 (машин.); НА Коми НЦ: ф. 1, оп. 11, ед. хр. 48 (машин., 45 л.).

Подготовка к публикации Г. В. Гордиенко
(грант РНФ № 16-18-02042)

Профессор доктор
филологических наук
Д. В. Бубрих

ПРОИСХОЖДЕНИЕ МЫШЛЕНИЯ И РЕЧИ *Посвящается родному героическому Ленинграду*

«История есть не что иное, как последовательная смена отдельных поколений, из которых каждое эксплуатирует материалы, капиталы, производительные силы, переданные ему всеми предшествующими поколениями, в силу чего оно, с одной стороны, продолжает унаследованную деятельность при совершенно изменившихся обстоятельствах, а с другой — видоизменяет старые обстоятельства посредством совершенно изменившейся деятельности». К. Маркс и Ф. Энгельс, «Немецкая идеология»^{<1>}.

Одним из вопросов, остро интересующих человеческую мысль, является вопрос о происхождении мышления и речи.

Разрешение этого вопроса нужно, насущно нужно для полноты исторического мирозерцания.

Для разрешения этого вопроса сделано уже чрезвычайно много. Марксизм-ленинизм разработал широчайшую и глубочайшую общеисторическую концепцию, которая дает твердое направление исканиям. История материальной /37//38/ культуры прекрасно осветила материальную обстановку развертывания «не-материальных» достижений человека. Психология и лингвистика собрали громадный материал по мышлению и речи и вскрыли в этом материале пережитки громадной древности. В области лингвистики особенно много дали работы акад. Н. Я. Марра и акад. И. И. Мещанинова.

Что же все-таки задерживает разрешение вопроса?

Задержка, как нам представляется, только одна: вопрос еще не поставлен в нужной мере ясно и в нужной мере полно, а в связи с этим еще не найден нужный подход к нему.

Часть I. УКЛАДЫ МЫШЛЕНИЯ И РЕЧИ

Всеми признано, что к историческим глубинам мышления и речи можно подходить путем «раскопок» в мышлении и речи высоких уровней развития. Но далеко еще не достигнута договоренность о том, что к этим историческим глубинам можно подходить и путем изучения живых пережитков глубочайшей древности. Психология, которая сознает себя как наука обо всех вообще психических переживаниях и соответственно ведет себя, относится к живым пережиткам мышления любой древности с полным вниманием. Но лингвистика, которая, как бы она себя не сознавала, ведет себя как наука о речи высоких уровней развития (где производятся «раскопки»), а живые пережитки речи нижележащих уровней развития оставляет вне поля заинтересованного внимания. От этого страдает и /38//39/ психология, так как во всем, что касается мышления, она существенно нуждается в помощи со стороны лингвистики. Очевидно, что договоренность, которой пока нет, должна быть достигнута. Тогда откроется возможность проследить все уровни развития мышления и речи в их связях и отношениях, точно выяснить линию их развития и в конце концов уверенно подойти и к ответу на вопрос о их происхождении. Вступая на этот путь, мы начнем с выяснения сосуществующих в нашей практике уровней развития мышления и речи — с укладов мышления и речи. При этом мы вовлечем в поле зрения эмоции и их выражение. <рукописная вставка>: Явления мы рассмотрим в порядке от низших к высшим.

1. Эмоции

Мы не только мыслим. Мы также «чувствуем», переживаем эмоции. ~~Они родились гораздо раньше мышления: их история уходит в бездонные глубины жизни... Конечно, наши эмоции не те и не таковы, какие были у человека в первые его дни, а у него они были не те и не таковы, какие были у его животных предков. Но эмоции как тип психических переживаний от этого не становятся моложе.~~ <рукописная вставка> Это примитивнейшие из выражаемых психических переживаний.

2. Выражение эмоций

Мы выражаем не только мысли. Мы выражаем также «чувствования», эмоции. ~~Их выражение родилось гораздо раньше речи.~~

Выражение эмоций отнюдь не ограничено звуковой сферой. Оно протекает столько же и в двигательной сфере, куда /39//40/ входят различные движения (всего тела, рук, головы, мышц лица), сколько в звуковой. Обе сферы выражения эмоций связаны друг с другом и друг друга восполняют.

Замечательно, что выражение эмоций, оставаясь самим собой, может сообразовать действие людей, выступать в роли «сигналов». Так испуганный вскрик (*Ай!*) в соответствующей обстановке оказывается «сигналом», по которому целая компания испуганно разбегается. Разумеется, такие «сигналы» еще не настоящие сигналы. В них отсутствует характерная для настоящих сигналов сознательная установка на сообщение. Они еще не осмыслены. В них еще не выражается мысль.

Представление о выражении эмоций могут дать эмоциональные вскрики, вклинивающиеся в речь.

Конечно, эмоциональные крики представляют только звуковую сферу выражения эмоций. Конечно, они несут на себе печать связей с речью: с одной стороны, они более или менее подтянуты под внешние особенности речи, а с другой стороны, они содержат в своем составе множество явлений, возникших в результате падения речевых явлений до уровня выражения эмоций (*Боже!* как выражение испуга или удивления и т. п.). К тому же они пережили долгую историю воспитания в человеческом обществе, ибо человеческое общество воспитывает и до-человеческие проявления жизнедеятельности. Самый состав их приспособлен к современным условиям существования человека. Поэтому они никак не могут быть приняты за то самое или такое самое выражение эмоций, которое или какое было свойственно миллионы лет тому назад до-человеку. И тем не менее они продолжают /40//41/ тип явлений до-человеческой древности.

Приведем некоторые примеры эмоциональных вскриков, не вдаваясь в их классификацию по родам эмоций: *А!*, *Ага!*, *А!*, *Ай!*, *Ах!*, *Ба!*, *Бр!*, *Гм!* или *Хм!*, *Их!*, *М-да!* или *Н-да!* (первое, например, у А. П. Чехова, «Чтение», второе — у Горького, «Челкаш»), *О!*, *Ого!*, *Ой!*, *Ох!*, *Пс!* (*Судить тебя буду... Меня-то? Псс... Молоко <у него> на губах еще не обсохло, чтобы <меня> судить.* А. П. Чехов, «Интеллигентное бревно»), *Тьфу!*, *У!*, *Увы!*, *Уф!*, *Ух!*, *Фи!*, *Фу!*, *Э!*, *Эге!*, *Эх!*, *Эхма!* (часто у Горького).

С «фонетической» точки зрения эмоциональные вскрики представляют самую пеструю картину. Среди них есть две группы «фонетических» примитивов. Во-первых, перед нами эмоциональные вскрики, развертывающиеся на базе простого крика («гласного»). Выразительная сила таких эмоциональных вскриков — в интонационном движении голоса, этой «звуковой мимике». Поэтому есть, например, столько же *А!*, сколько есть интонационных его постановок: Одно дело короткое, резко обрывающееся, не успевающее значительно понизиться *А!*, выражающее

острую, «колющую» досаду (*Тяни за край... тяни, тяни... а, чорт! Отойдите, ваше благородие, ноги отдавим. /41//42/ А. П. Чехов. Надлежащие меры*); острую, отчаянную, полную досады решимость (*А, была не была!* Н. В. Гоголь. «Мертвые души») и т. д. Совсем другое дело — протяжное, плавно замирающее, начинающееся с относительно высокого тона и затем далеко понижающегося *А!*, выражающее обнаружение чего-либо, узнавание, догадку (*А, вот же он!* Н. В. Гоголь. «Мертвые души», *А, это ты, злодей!* М. Ю. Лермонтов. «Свиданье», *А, так он честолобец!* Н. В. Гоголь. «Записки сумасшедшего»); часто с оттенком злорадства (*А-а-а... вы целуетесь?* А. П. Чехов. «Злой мальчик»); угрозы (*А-а-а... ты кусаться?* А. П. Чехов. «Разговор человека с собакой») и т. д. Есть и разные другие *А!*. Во-вторых, перед нами эмоциональные вскрики, представляющие собой артикуляционные комки, совершенно не поддающиеся сколько-нибудь точному буквенному изображению. Представление о таких артикуляционных комках могут дать хотя бы *Бр!*, *Гм!* или *Хм!*, отчасти и *М-да!* или *Н-да!* Кроме таких фонетических «примитивов» есть и случаи, в разной мере подтянуться <подтянутые> под фонетические нормы речи. Это относится, конечно, на счет влияния последней. Эмоциональные вскрики, представляющие собой «опустившиеся» явления речи (*Боже!*, *Ч = чёрт!*) более или менее сохраняют свойственное явлениям речи фонетическое оборудование. /42//43/ С «грамматической» точки зрения эмоциональные вскрики требуют только одного указания: они стоят совершенно вне всякой грамматики.

Конечно, эмоциональные вскрики, представляющие собою «опустившиеся» явления речи (*Боже мой!*, *Чёрт возьми!*) могут в той или иной мере сохранять свойственное явлениям речи грамматическое оборудование.

3. Наглядно-действенное мышление

На каждом шагу мы пользуемся мышлением простейшего уклада мышлением, которое самым непосредственным и полным образом связано с действием и в этом отношении предельно ограничено. Им мы пользуемся, например, когда корчем пни, когда отправившись в тыл врага, пробираемся между его постами, когда, играя в футбол, направляем полет мяча.

Такое мышление имеет два существенных признака.

Во-первых, такое мышление, так сказать, вращено в переживаемую действительную ситуацию, составляет неотъемлемую сторону действия.

Во-вторых, такое мышление опирается на наглядное содержание переживаемой действительной ситуации.

С. Л. Рубинштейн в "Основах общей психологии" называет такое мышление наглядно-действенным или наглядно-ситуационным. Мы остановимся на первом из этих названий. /43//44/

Позволим себе привести выдержки из указанного труда С. Л. Рубинштейна. «Некоторые практические задачи могут быть решены на основании тех данных, которые непосредственно представлены в наглядном содержании самой проблемной ситуации. Мышление, направленное на разрешение именно таких задач, пользуется зависимостями между вещами в пределах непосредственно данной ситуации, не раскрывая опосредований и всеобщих связей, выходящих за ее пределы; для него характерно взаимопроникновение „поля зрения“ мышления и поля наглядного созерцания. Для него характерно, далее, что оно совершается в ситуации действия, в непосредственном действенном контакте с объективной действительностью, — так что „поле зрения“ мышления совпадает с полем действия; у мышления и действия одна и та же область оперирования; ход мыслительной операции непосредственно включен в действительную ситуацию, в ход практического действия». И в другом месте: «Не подлежит сомнению, что генетически первичной операцией было разумное действие, опиравшееся сначала на наглядное мышление, — наглядно-действенное... или наглядно-ситуационное мышление, непосредственно включенное в практическое действие, не выделившееся еще из него в самостоятельную теоретическую деятельность. Действие, непосредственно реально соприкасаясь с объективной действительностью, проникая внутрь ее и ее преобразовывая, является исключительно мощным средством формирования мышления, отображающего объективную действительность. Действие поэтому как бы несет мышление на проникающем в объективную действительность острие своем. На поле действия сосредотачивается первично самый освещенный, наиболее интеллектуализованный участок сознания».

4. Сигнальная речь

Во всяком общественно поставленном действовании практикуются прямо входящие в состав этого действования сигналы. Они практикуются в общественно-поставленном труде. Они практикуются в военном деле. Они практикуются в спорте. И так далее. Это сигнальная речь, речь разных *Ау!*, *Тс!*, подзывающих мановений руки, приглашающих к молчанию прикладываний пальца к губам.

Мы говорим о сигнальной речи в собственном значении этого термина, не распространяя этого термина на различные «коды», которые прямо входят в область собственно-речи.

Сигнальная речь, как это видно из приведенных примеров, отнюдь не ограничена звуковой сферой. Она протекает столько же в двигательной сфере, сколько и в звуковой. Обе сферы сигнальной речи связаны друг с другом и друг друга восполняют.

Этого мало. Составляя специфически человеческую деятельность, сигнальная речь отнюдь не ограничена рамками природных средств. Она широко прибегает и к искусственным средствам. Звуковая сфера сигнальной речи разрастается в слуховую, а двигательная в зрительную. Сигнализировать можно не только голосом, но и свистком или трубой, не только рукой, но и платком или ракетой. /45//46/

Разнообразие средств, используемых сигнальной речью, настолько велико, что трудно даже примириться с мыслью, что это тоже речь. Но это речь, вполне речь, только сигнальная. Что это речь, ясно из того, что налицо сознательная установка на сообщение.

Со смысловой стороны сигнальная речь поставлена весьма примитивно. Сигнал, со смысловой стороны, совершенно не расчленен и ни с чем не сочленен.

Весьма принято сбивать сигнальные явления, стоящие вне использования искусственных средств, в одну кучу с выражением эмоций. Однако грань между теми и другими, если не говорить о редких «скользящих» случаях совершенно ясна. Для выражения эмоций характерного <характерно> отсутствия <отсутствии> сознательной установки на сообщение. Для сигнальных явлений, наоборот, характерно наличие такой сознательной установки.

Некоторый повод для указанного сбивания разнородных явлений в одну кучу есть. Сигналы (~~стоящие вне использования искусственных средств~~) обычно более или менее глубоко проникнуты эмоциональным началом, и в этом отношении напоминают выражение эмоций. Дело в том, что переживаемая действительная ситуация всегда более или менее остро возбуждает эмоциональную сферу, и это (~~далеко не всегда сказывается в сигналах, опирающихся на использование искусственных средств~~) обычно более или менее ярко сказывается в сигналах (~~стоящих вне их использования~~). Но это отнюдь не какой-либо существенный признак /46//47/ последних. Об этом свидетельствуют сигналы, построенные на использовании искусственных средств.

Сигнальная речь прямо соответствует наглядно-действенному мышлению. Это явствует из сопоставления их существенных признаков.

Представление о сигнальной речи могут дать сигнальные речения, играющие в нашей речевой практике весьма важную роль.

Конечно, сигнальные речения представляют только звуковую сферу сигнальной деятельности, ~~несколько последняя стоит в использовании искусственных средств~~. Конечно, они несут на себе печать связей с собственно-речью: с одной стороны они подтянуты под внешние

особенности собственно-речи, а с другой стороны, они содержат в своем составе множество явлений, возникших в результате «падения» явлений собственно-речи на сигнальный уровень (*Пали!* или *Пли!* и т. п.). К тому же они пережили долгую историю воспитания в достигшем современных высот человеческом обществе.

Самый состав их приспособлен к современным условиям существования человека. Поэтому они никак не могут быть приняты за те самые или такие самые сигналы, которые или какие употреблялись сотни тысяч лет назад первочеловеком. /47//48/ И тем не менее в своем существе они продолжают тип явлений глубочайшей древности.

Есть разные разряды сигнальных речений.

Первый разряд сигнальных речений — обратительные. Их назначение — установить контакт, призвать и т. п. Сюда такие речения, как *Ау!*, *Алло!*, *Эй!* Есть обратительные сигнальные речения, адресуемые к животным, вроде *Кис-кис!*, *Цып-цып!*

Второй разряд сигнальных речений — повелительные. В части случаев они относятся к любому уже развертывающемуся или ожидаемому (для слушателя уже известному) действию. В таких случаях их назначение — подтолкнуть действие или ускорить его осуществление или, наоборот, прекратить действие или предупредить его осуществление. Сюда такие речения, как *Ну!* (*Эй, Филька, Филька, ну ловчей!* А. С. Грибоедов «Горе от ума») или такие речения, как *Полно!* (*Не знаю, право, я спешу — И, полно, граф, я вас прошу!* А. С. Пушкин «Граф Нулин»), *Шабаиш!*, *Баста!* (*Шабаиш!* — крикнул он повелительно. Л. Н. Толстой «Война и мир»; *Ну, теперь, ребята, баста!*), *Ни-ни!* (*Ни-ни... не отвливай брата!* А. П. Чехов «Средство от запоя»). В других случаях повелительные сигнальные речения относятся к тому или иному определенному желаемому (для слушателя еще неизвестному) действию или образу действий. В таких случаях их назначение — побудить к совершению этого действия или к соблюдению этого образа действий. Сюда такие речения, как: *Айда!*, *Марш!*, *Пошел!*, *Стоп!*, *Даёшь!*, *На!*, *Чу!*, *Тс!* или *Сс!* или *Чи!* или *Ши!* (первое, например, у Чехова — «Тссс!», второе у Грибоедова — «Горе от ума», третье у Гоголя — «Ревизор», четвертое у Грибоедова — «Горе от ума»), *Цыц!* Есть повелительные сигнальные речения, адресуемые животным, вроде *Ну!* (*Но!*), *Тпру!*, *Ату!*

Третий разряд сигнальных речений — оповестительные. В части случаев они относятся к любому уже развертывающемуся (для слушателя уже известному) действию или к любой уже сложившейся (для слушателя уже известной) ситуации. В таких случаях их назначение — оповестить о прекращении действия или об исчерпании ситуации: о чем-нибудь ином в таких случаях оповещать не приходится. Сюда такие речения, как *Шабаиш!* в особом употреблении, *Баста!* в особом употреблении (*Я уже больше не верю. Шабаиш!* А. П. Чехов «Двое в одном»; *А если к фараонам в лапы*

попал — все одно не выпутаешься, баста! Е. П. Карпов «Зарево»). В других случаях оповестительные сигнальные речения относятся к тому или иному определенному, только что совершившемуся (для слушателя еще не известному) действию или к той или иной определенной только что сложившейся (для слушателя еще не известной) ситуации. В таких случаях их /49//50/ назначение — оповестить о совершении действия или о сложении ситуации. Сюда такие речения, как *Эврика!*, отчасти *Чур!* (*Табу!*; *Чур, одному*. А. <Н>. Островский «Не было ни гроша, да вдруг алтын»; *Однако, чур, секрет* <А. С.> Грибоедов «Горе от ума»; *Только, чур, не перебивать* <Н. Г.> Помяловский «Очерки бирсы»). Некоторые не вполне осигнализировавшиеся оповещения об опасности, тревоге, беде. Оповестительные сигнальные речения несколько сложнее по своему существу, чем обратительные или повелительные. Те самым прямым образом считаются с активностью слушателя. Эти, конечно; тоже считаются с нею (без этого любое сигнальное речение теряет практический смысл), но отнюдь не прямым образом: они предваряют активность слушателя ориентировкой в поле действия и самое направление его активности предоставляют существующему узусу или сообразительности. Нелишне заметить, что оповестительные сигнальные речения составляют гораздо менее «сильный» разряд сигнальных речений, чем повелительные.

К оповестительным сигнальным речениям примыкают согласительно-отказные и утвердительно-отрицательные сигнальные речения. Их особенность та, что они оповещают об отношении говорящего к речи или мысли собеседника с точки зрения их приемлемости или неприемлемости. /50//51/

К согласительно-отказным сигнальным речениям относятся такие, как *Ладно!*, *Идет!*, *Есть!* или *Ни-ни!* в особом употреблении (*Подсаживайтесь-ка! Честь и место! — Ни-ни... пойду свой вагон искать*. А. П. Чехов «Счастливчик»), *Дудки!* К утвердительно-отрицательным сигнальным речениям относятся *Да(!)*, *Нет(!)* и другие, выражающие разные степени уверенности в утверждении или отрицании. Об утвердительно-отрицательных сигнальных речениях надо сказать, что они могут держаться плана переживаемой действительной ситуации, но могут оказываться и выше его (*Будет ли дважды два четыре? — Да. — А будет ли дважды два три — Нет*). В последнем случае ~~можно — оперить~~ ~~сигнальные ли речения~~ перед нами особые явления собственно-речи.

Исключительно своеобразную разновидность оповестительно<го> согласных речений составляют указательные и вопросительные (вместе-выделительные) сигнальные речения. Они оповещают совсем особым образом — выделяют, и притом, когда это нужно, с помощью выделительного жеста руки, выделительного кивка головы и т. п. Указательные сигнальные речения выделяют явления, требующими фиксации внимания. Вопросительные сигнальные речения выделяют

явления, требующие разъяснения, в ожидании, что слушатель его даст (характерная вопросительная интонация есть в сущности ожидательная). /51//52/ К числу указательных сигнальных речений относятся такие, как *Во!*, *Вот!*, *Вон!* (К различию в значениях двух последних сравни у Крылова, «Плотичка»: *Вот видишь уду!* *Вон закинута другая!* — первая уда ближе, вторая дальше), диал. *Эво!*, *Эвот!*, *Эвон!* К числу вопросительных сигнальных речений относятся такие как *Э?*, *А?*

Указательные и вопросительные сигнальные речения могут держаться плана переживаемой действительной ситуации, но могут оказываться и выше его. Особенно это касается вопросительных сигнальных речений, (*А? Как по-вашему?* <А. С. >Грибоедов «Горе от ума»). В данном случае ~~можно спорить, сигнальные ли речения~~ перед нами особые явления собственно-речи. Об отношении указательных и вопросительных сигнальных речений к местоименным словам (которые продолжают сигнальные традиции в условиях собственно-речи с возможными только в собственно-речи «поворотами») сейчас не будем распространяться.

Особо надо рассмотреть сигнальные речения, сопровождающие различные действия в порядке соблюдения правил вежливости, предписаний культа и т. п. «В идее» они должны выражать различно похвальные и «похвальные» чувствования — благодарность (*Спасибо!*), раскаяние (*Прости!*), благожелание при /52//53/ встрече (*Здравствуй!*), сокрушение или надежду при расставании (*Прощай!*, *До свиданья!*), богобоязнь, благоговение и т. п. Но они отнюдь не представляют собою эмоциональных вскриков. Они проникнуты сознательной установкой на сообщение, и «чувствительное» их содержание совершенно меркнет перед сигнальным. Сигнальное их содержание — демонстрация подходящего к случаю добропорядочного поведения в добропорядочном обществе. Бесспорно, это сигнальное их содержание крайне бледно, и в нем стираются все противоположности разрядов сигнальных речений. Тем не менее, они весьма нужны, практически нужны — это совершенно необходимая «смазка» общественной машины. Конечно, ничего примитивного в них нет.

С фонетической точки зрения сигнальные речения представляют весьма пеструю картину. Однако все же они стоят с этой точки зрения чуточку выше эмоциональных вскриков. Сказывается это в том, что сигнальные речения, развертывающиеся на базе простого крика («гласного»), совсем редки. Они хорошо представлены на указательно-вопросительном участке сигнализации (*Э* = в диал. *Эво!*, *Эвот!*, *Эвон*, *Э?*, *А?*). Что касается сигнальных речений, представляющих собою артикуляционные комки, то они пользуются всеми правами гражданства (*Тс!* или *Сс!* или *Чш!* или *Шш!*, *Тпру!* — можно бы привести и другие). Остальное поставлено /53//54/ так же, как у эмоциональных речений. Сильно

сказывается подтягивание сигнальных речений под фонетические нормы собственно-речи. Сигнальные речения, представляющие собою «опустившиеся» явления собственно-речи, более или менее сохраняют свойственное явлениям высшей речи фонетическое оборудование.

С грамматической точки зрения сигнальные речения представляют немалый интерес. О них нельзя сказать, чтобы они стояли совсем вне грамматики. Их разряды обнаруживают определенное сходство с разрядами сообщительно-законченных единиц собственно-речи. Обратительные сигнальные речения имеют точки соприкосновения с обращениями. Повелительные сигнальные речения имеют точки соприкосновения с повелительными предложениями. Оповестительные сигнальные речения имеют точки соприкосновения с не-повелительными предложениями. Это уже зародыш грамматики. Сходство с сообщительно-законченными единицами собственно-речи объясняет тот факт, что сигнальные речения в состоянии подтягиваться под грамматическое оборудование собственно-речи. Многие из них в состоянии приближаться к настоящим словам в составе предложения и даже отражать это в своем оформлении. Особенно в этом отношении интересны повелительные сигнальные речения — самый «сильный» разряд сигнальных речений. Они нередко сопровождаются словами *ты* и *вы* и соответственно ока- /54//55/ зываются в формах единственного и множественного числа: *Ну(ты)!* и *Нуте(вы)!*, *Полно(ты)!* и *Полноте(вы)!* рядом с иначе поставленным *Полно (тебе, вам)!*, *На (ты)!* и *Нате (вы)!* Кроме того, они нередко развертываются и различными другими способами: *Полно плакать!*, *Айда в сад!*, *Марш по домам!*, *Пошел вон!*, *Брысь под лавку!*, *Даешь Кронштадт!*, *На леденец!* Не остаются незатронутыми в данном отношении и другие сигнальные речения. Для всего этого вовсе не требуется, чтобы сигнальные речения представляли собою «опустившиеся» явления собственно-речи.

5. Наглядно-образное мышление.

Весьма часто мы пользуемся мышлением, которое, не находясь в непосредственной связи с действием, в остальном существенно не отличается от наглядно-действенного мышления, имеет наглядный характер.

Такое мышление имеет два существенных признака.

Во-первых, такое мышление уже не вращено в переживаемую действительную ситуацию, не составляет неотъемлемой стороны действия, выделилось в относительно самостоятельную (в данном смысле) деятельность.

Во-вторых, такое мышление опирается на наглядные образы, питаемые воображением.

Такое мышление называется наглядно-образным.

С. Л. Рубинштейн в «Основах общей психологии» описывает его следующим образом: «Наглядное мышление не остается затем в дальнейшем ходе развития на том элементарном, низком уровне, на котором оно первоначально находилось.... Наглядное мышление выделяется из практического действия, в которое оно первоначально непосредственно включено, становясь относительно самостоятельным актом, который подготавливается предшествующим действием и подготавливает последующие. В связи с этим изменяется и характер наглядного содержания, которым начинает оперировать мышление: развивается наглядно-образное мышление, в котором наглядный образ становится носителем обобщенного содержания все более высокого уровня».

Таково наглядно-образное мышление в строгом значении этого термина. От него следует отличать наглядно-образное мышление в «вольном» значении этого термина. Последнее это собственно-мышление, ведомое наглядными образами или даже просто оживленное ими, то есть в главном все-таки собственно-мышление. Это, во избежание недоразумений, следует подчеркнуть.

6. Изобразительная речь

Когда не подбираются во время средства собственно-речи или когда средства собственно-речи представляются недостаточно «выразительными», мы прибегаем к изобразительным средствам. К ним мы прибегаем в оживленном рассказе об охотничьих приключениях, о перипетиях боя, о ходе футбольного матча. Эти изобразительные средства представляют собою вклинения изобразительной речи./56//57/

Говоря об изобразительной речи, надо иметь в виду изобразительные работы, производимые в условиях нормального общения между людьми. Изобразительные работы, возникающие в условиях разрушения нормального общения между людьми — в силу ли физического недостатка (глухонемой, обращающийся к вам на улице с просьбой) или в силу резкой перемены среды (француз, попавший из Парижа прямо к людоедам Центральной Африки) или в силу еще чего-нибудь — можно оставить в стороне. Только первые составляют настоящие речевые явления и вполне понятны. Вторые представляют собою более или менее «отчаянные» попытки подыскать суррогат речевых явлений и, если вообще понимаются, то с превеликим трудом.

Изобразительная речь имеет два существенных признака.

Во-первых, она, изобразительная речь, уже на вращена в переживаемую действительную ситуацию, не составляет неотъемлемой

принадлежности общественно поставленного действия, выделилась в относительно самостоятельную (в данном смысле) деятельность.

Во-вторых, она, изобразительная речь, еще не называет явления, а только их изображает, только воспроизводит их «образы».

Изобразительная речь отнюдь не ограничена звуковой сферой. Она протекает в весьма значительной мере и в двигательной сфере. Искусственные средства идут в ход совсем мало: они слишком громоздки для оживленной изобразительной речи./57//58/

Никакая изобразительная работа, ни звуковая, ни двигательная, не может в точности воспроизвести «образ» вещи. Она воспроизводит «образ» вещи только в тех или иных моментах или с той или иной стороны. В среде общественно связанных людей совершенно достаточно хотя бы самого слабого и отдаленного намека на «образ» вещи. Сила этого намека основывается не столько на объективных признаках, сколько на общественном признании. Что общественно признается как изобразительная работа, то и есть изобразительная работа, как бы дело ни обстояло с объективными признаками. Изобразительные работы имеют в конце концов традиционно-условный характер. Поэтому изобразительные с русской точки зрения работы совсем не являются таковыми с коми и т. д. точки зрения, и наоборот.

Поскольку изобразительные работы имеют традиционно-условный характер, вполне возможны оказываются совсем «ненатуральные» вещи. Так, звуковые изобразительные работы оказываются способными изобразить не только звучания, но и движения, связанные со звучаниями, и просто движения, состояния, «чреватые» звучаниями, и просто состояния, а дальше и позы, положения, очертания и различные другие схватываемые зрением явления. Двигательные изобразительные работы по сути вещей могли бы оказываться столь же «растяжимыми». Однако отметить реализацию этой возможности мы не можем. Дело тут в том, что звуковые работы имеют множество общеизвестных удобств, и /58//59/ это создает предпосылки для их преимущественного культивирования. Чтобы не быть голословными, проиллюстрируем «растяжимость» звуковых изобразительных работ некоторыми примерами. Их можно найти и в русском языке. Но целесообразнее обратиться к языку, где звуковые изобразительные работы сохраняются в несравненно большем богатстве, чем в русском, — к коми языку. Примеры их возьмем в глагольной «оправе», так как эта глагольная «оправа» играет роль показателя трактовки изобразительной работы: *кывны* 'слышаться' показывает, что изображается длительное звучанье, *ляунны* 'пойти' показывает, что изображается быстрое звучание или быстрое звучание, связанное с движением, или быстрое движение, связанное со звучанием, или просто быстрое движение, *видзны* 'смотреть' (первоначально) показывает, что изображается зрительный эффект и т. д. Одна группа примеров:

большакакывны ‘больш-слышаться’, т. е. ‘плескаться — о воде’, *бульска-большакакывны* ‘бульс-больш-слышаться’, т. е. ‘плескаться с варьированием звука’, *болскакакывны* ‘болс-слышаться’, т. е. ‘хлюпать, шлёпать — о воде’, *булска-болскакакывны* ‘булс-болс-слышаться’, т. е. ‘хлюпать, шлепать с варьированием звука’, *броткакывны* ‘брот-слышаться’, т. е. ‘ворчать, бурчать’, *брутко-броткакывны* ‘брут-брот-слышаться’, т. е. ‘ворчливо болтать’, *брунакакывны* ‘брун-слышаться’, т. е. ‘издавать гулкий низкий звук — о массивном предмете, преимущественно металлическом’, *бруна-бранокакывны* ‘брун-брон-слышаться’, т. е. ‘издавать гулкий низкий звук с переливами’, *буза-базакакывны* или *быза-базакакывны* /59//60/ ‘буз-баз или быз-баз-слышаться’, т. е. ‘бултыхаться’, *быра-баракакывны* ‘быр-бар-слышаться’, т. е. ‘издавать прерывистое потрескивание’ и ‘неясно говорить про себя, бурчать’, *буакакывны* ‘бу-слышаться’, т. е. ‘реветь — о быке, горланить — о пьяном, бушевать — о ветре’ и т. д. без конца. Другая группа примеров: *був-бовмунны* ‘бун-бов-пойти’, т. е. ‘раза два ударить — о колоколе’ и ‘шатнуться туда-сюда — о любом подвешенном предмете’, *бавмунны* ‘бав-пойти’, т. е. ‘шатнуться’, *бырсмунны* ‘бырс-пойти’, т. е. ‘пробиться насквозь’ и т. д. без конца. Третья группа примеров: *баз-видзны* ‘баз-смотреть’, т. е. ‘покоиться давящей громадой’, *брунвидзны* ‘брун-смотреть’, т. е. ‘покоиться распирающей громадой’, *бав-видзны* ‘бав-смотреть’, т. е. ‘покоиться в неподвижности’, *барвидзны* ‘бар-смотреть’, т. е. ‘покоиться в инертном состоянии’ и т. д. без конца.

Получается так, что в изобразительной речи создаются предпосылки для звуковой концентрации. Конечно, и звуковые и двигательные работы в ней сохраняют каждое свое рацию. Дело лишь в открытости пути к распространению звуковых работ за счет двигательных.

Со смысловой стороны изобразительная речь поставлена совсем не так примитивно, как сигнальная. ~~Никак нельзя сказать, чтобы каждая изобразительная работа представляла собой звуковой комок, совершенно не расчлененный и не с чем не сочлененный.~~ Изобразительные работы никогда не выступают «сами по себе». Если вы войдете в комнату, где сидят люди, и «ни с /60//61/ того, ни с сего» воскликните *Бух!* или произведете какой-нибудь изобразительный взмах руки, вы ровно ничего не сообщите. Вас на поймут. Пожалуй, вашего «сообщения» просто испугаются. Если этого не произойдет, вас спросят, в чем дело. Изобразительные работы всегда выступают в сфере каких либо пояснителей — пусть самых отдаленных, пусть самых неопределенных, пусть вовсе не обязанных вашей деятельностью. И это в порядке вещей: если сигналы, включенные в переживающую действительную ситуацию, до конца ясны из этой последней, то изобразительные работы, ни в какую ситуацию сами по себе не включенные, оставляют неясности. Они тянут к

какому-либо сочленению. Они тянут к широкой расчлененной единице. Тянут — больше ничего утверждать нельзя.

Получается так, что в изобразительной речи создаются предпосылки для сложения речевой цепи.

Весьма принято сбивать изобразительные работы в общую кучу с выражением эмоций и сигналами. Однако грань тут совершенно ясна. На этом нет нужды останавливаться.

Некоторые поводы для сбивания изобразительных работ в одну кучу с выражением эмоций и с сигналами есть.

Прежде всего, изобразительные работы обычно проникнуты характерной оживленностью, которая сродни эмоциональной возбужденности, свойственной выражению эмоций по их существу и сигнальным работам по их связи с переживаемой действительной ситуацией. Дело в том, /61//62/ что наглядные образы, стоящие за изобразительными работами, хотя и не слишком возбуждают эмоциональную сферу, но все же создают в ней некоторые движения, оживление. Следует указать, что оживленность в той же мере нельзя считать существенным признаком изобразительных работ, в какой возбужденность нельзя считать существенным признаком сигналов.

А затем, существует интереснейшее явление, которое пока не учитывается, создает самые серьезные затруднения в вопросе, где кончаются выражение эмоций и сигнальные работы и начинаются изобразительные. Мы имеем в виду изобразительную трансмутацию выражения эмоций и сигнальных работ. Выражение эмоций нередко используется совсем не для того, чтобы выразить эмоцию, а для того, чтобы изобразить особенность какого-либо явления, возбуждающую эту эмоцию. Примеры возьмем из звуковой сферы: *Подальше от вас, нет, вы, господа, ой-ой-ой!* (Тургенев «Холостяк»), *Их почти готов принять за мебель и думаешь, что от роду еще не выходило слово из таких усть; а где-нибудь в девичьей или в кладовой окажется просто: ого-го!* (<Н. В. > Гоголь «Мертвые души»), *А эта гордость — тьфу! Эта гордость глупая, смешная* (Писемский «Тысяча душ»), *Кажется, и легко на вид, а рассмотришь — просто чорт побори!* (<Н. В. > Гоголь «Ревизор»). Сходным образом сигналы нередко используются совсем не для того, чтобы сигнализировать, а для того, чтобы изобразить какую-либо ситуацию, в которой возникает сигнал. Примеры возьмем те же из звуковой сферы: /62//63/ *Чуть вечер — алло! Юрочка, Гай или Котик Билибин* (И. Сильвинский «Уляляевщина»), *Уж ау, брат! прежнего не воротись* (А. Островский, «На бойком месте»), *Все тихонько в душе подлецом считают, а в глазах кроме восхвалений да улыбок — ни-ни!* (Чехов «Разговор человека с собакой»), *Пиши, пиши... Я ведь так только, гуляючи... Два словечка скажу и — айда!* (Чехов «Дипломат»), *А ваше дело, Глеб Глебыч... Цыц!* (Чехов «Суд»), *А теперь рад бы разжентиться,*

да тпррр... (Чехов «От нечего делать»), *Уперся, как лошадь - ни тпру, ни ну* (А.Островский «Свои люди — сочтемся»), *Поклон, понимаете, и — прощаете!* (Гоголь «Мертвые души»), *Дадите четвертную и материала на платье — и спасибо* (Чехов «Хороший конец»).

Изобразительная речь прямо соответствует наглядно-образному мышлению. Это явствует из сопоставления их существенных признаков.

Представление об изобразительной речи могут дать изобразительные речения. К ним мы уже частично обращались в примерах.

Конечно, изобразительные речения представляют только звуковую сторону изобразительной деятельности. Конечно, они несут на себе печать связей с вашей речью. К тому же они пережили долгую историю воспитания в достигшем современных высот человеческом обществе. Самый состав их приспособлен к современным условиям существования человека. Состав их, бесспорно, идет по пути обеднения, как это ясно из сопоставления относительного его богатства в языках народов с молодой культурой, вроде коми, удмуртов, чувашей, не говоря уж о внеевропейских, и относительной его бедности в языках народов со старой культурой вроде русских. В силу всего этого теперь используемые изобразительные речения никак не могут быть признаны за те самые или такие самые изобразительные работы, которые или какие употреблялись десятки тысяч лет тому назад человеком, еще не развившимся до уровня homo sapiens. И тем не менее в своем существе они продолжают тип явления глубокой древности.

Изобразительные речения, вырабатываясь в обществе, имеют традиционно-условный характер, без всяких видимых ограничений, отходят от натуральности и функционируют как изобразительные речения собственно потому, что признаются изобразительными речениями. Поэтому они могут изображать не только звучания, но и многое другое. Перед нами, не только такие изобразительные речения, как *Бац!*, *Чик-чирик!*, но и такие, как *Шасть!*, *Цап-царап!*

Весьма интересно, что совсем не изобразительные речения могут усваивать «тон» изобразительных речений, примыкать к ним, входить в их сферу. Очень часто трудно указать, что перед нами — настоящее изобразительное речение или не-изобразительное речение, усвоившее «тон» изобразительных. Все же различие проводить надо. Различие это вполне ясно, если приглядеться к двум примерам: *Левей, левей, и с возом — бух в канаву!* (Крылов «Обоз») и *Мар- /64//65/ тышка, в зеркале увидя образ свой, тихохонько медведя толк ногой* (Крылов «Зеркало и Обезьяна»). В первом примере *Бух!* насквозь изобразительно. Во втором примере *Толк!* изобразительно совсем не насквозь: действие как таковое совсем не изображается, а изображается только его быстрота, энергичность, насыщенность действенным содержанием — изображается интонацией, изображается характерной грамматической

неоформленностью (она устраняет все лишнее, задерживающее). Это *Толк!* всего на всего усвоило «тон» изобразительных речений.

С фонетической точки зрения изобразительные речения представляют достаточно пеструю картину. Но можно заметить, что решительно господствуют сигнальные речения, содержащие больше одного согласного эффекта. Фонетическое оборудование изобразительных речений в общем заметно выше, чем фонетическое оборудование эмоциональных вскриков и сигнальных речений. Конечно, нельзя снимать со счета подтягивание под фонетические нормы собственно-речи, — но ведь такое подтягивание испытывают также эмоциональные вскрики и сигнальные речения, следовательно, одно такое подтягивание не может объяснить различия.

Все же нельзя сказать, чтобы изобразительные речения жили жизнью явлений, охваченных в полной мере фонетической членораздельностью. Изобразительным речениям чужда фонетическая дисциплина. Как бы они не были подтянуты под фонетические нормы высшей речи, а всегда они обнаруживают склонность вести /65//66/ себя как фонетические комки. Они чрезвычайно легко изменяют свой фонетический состав — каждый в некоторых границах волен уточнять и совершенствовать изобразительный эффект. Вместо *Чебурах!* можно слышать *Чебурых!* и многое другое — и т. п. Далее, они, изобразительные речения, легко уклоняются от действия фонетических закономерностей. Укажем хотя бы на то, что в коми языке изобразительные речения во многих случаях уклоняются от замены *л* в положение не перед гласными через *в*. Затем, они, изобразительные речения, легко вносят в речь совершенно особые порядки. Укажем хотя бы на то, что в коми языке изобразительные речения в очень большом числе случаев начинаются на сочетание согласных, в то время как обычные слова — если не говорить о поздних заимствованиях и нескольких единичных темных случаях — начинаются не больше, чем на один согласный. Наконец, они, изобразительные речения, иногда вносят в речь совершенно особые звучания. Укажем хотя бы на то, что в коми-пермяцких диалектах в изобразительных речениях используется губное *р*.

С грамматической точки зрения изобразительные речения представляют тоже достаточно пеструю картину. Но во всем видно их превосходство над сигнальными речениями. Они тянут к связыванию с другими речевыми явлениями. Тут действует и необходимость вхождения в сферу пояснителей, и подтягивание под порядки собственной речи. Последнее разворачивается с пышностью, для сигналов недоступной. С одной сто-/66//67/роны, изобразительные речения легчайшим образом находят себе определенное место в предложении, оказываются определителями при сказуемом (как это часто бывает в коми языке: *звирк чеччишитис!* ‘звирк вскочил!’, то есть ‘стремительно вскочил’, сказуемыми (как это часто бывает в русском языке: *кошка мышку — цан!*) и так далее.

С другой стороны, изобразительные речения легчайшим образом усваивают оформление явлений собственно-речи (*шурь-мурь, тарь-растабарь, тапки* — о туфлях, *цапки* — о когтях и т. п., *мурлыкать, тараторить, ханнуть, цапнуть* и т. п. Усваивая грамматическое оборудование явлений собственно-речи, изобразительные речения становятся изобразительными словами — словами на изобразительной основе.

7. Собственно-мышление

Над наглядно-действенным и наглядно-образным мышлением понимается собственно-мышление. Нормально оно выступает в более или менее ярко выраженном взаимодействии с мышлением других укладов.

Собственно-мышление имеет два существенных признака.

Во-первых, оно, собственно-мышление, не вращено в переживаемую действительную ситуацию, не составляет неотъемлемой стороны действия, разворачивается как относительно самостоятельная (в данном смысле) деятельность.

Во-вторых, оно, собственно-мышление, опирается уже не на наглядные образы, а на понятия.

Для понятий характерно то, что они поднимаются над уровнем воображения. В этом их основное отличие от наглядных образов, которые над уровнем *воображения* не поднимаются. Поднятие понятий над уровне.....

выражается отнюдь не в том, что они пере.....

нибудь вне участия воображения. Нет, он.....

при весьма деятельном участии последне.....

ваются всегда с помощью наглядных суб.....

лежащих на уровне воображения, — с пом.....

образов «примерных» случаев, наглядных обра.....

выразителей и т.п. Поднятие их над уровнем в...

выражается в другом — в том, что участие вообр...

при их переживании выступает как нечто несущес...

не определяющее их содержания. Насколько несущественно участие

воображения в переживании понятий, насколько мало участие

воображения определяет их содержание, ясно хотя бы из того, что одни

наглядные их субституты (подставки) всегда могут быть свободно

заменены другими без того, чтобы их содержание как-нибудь изменилось.

Мышление в понятиях открывает совершенно исключительные

возможности. С помощью мышления в понятиях можно разделять вещи,

которые в наглядных образах неразделимы (скажем, руку и ее взмах). С

помощью мышления в понятиях можно также связывать вещи, которые в

наглядных образах несвязуемы (скажем, жизнь и смерть: жизнь в смерти

— первый догмат каждой религии). В результате, с помощью мышления в понятиях можно мыслить отношения и связи, которые в наглядных образах немислимы.

Было бы тяжелой ошибкой думать, что мышление в понятиях обслуживает только какие-нибудь мировоззренческие высоты. Нет, оно обслуживает и повседневность. Возьмем хотя бы родственные отношения. Можно наглядно представить себе мужчину или женщину вообще, старика, зрелого человека или ребенка вообще. Но нельзя наглядно представить себе дядю и тетку, племянника или племянницу вообще: отношение к дяде и тете, племяннику или племяннице отнюдь не покоится на каких-либо признаках, охватываемых зрением или слухом или осязанием. Пример этот можно расширить на все, связанное с родовым началом в жизни. Можно привести и разнообразные другие примеры.

8. Собственно-речь

Над сигнальной и изобразительной речью поднимается собственно-речь. Нормально она выступает в более или менее ярко выраженном взаимодействии с речью других укладов.

Собственно-речь имеет два существенных признака.

Во-первых, она, собственно-речь, не вращена в переживаемую действительную ситуацию, не составляет неотъемлемо принадлежности общественно поставленного действия, развертывается как относительно самостоятельная (в данном смысле) деятельность.

Во-вторых, она, собственно-речь, уже называет вещи.

Названия вещей это традиционно-условные речевые работы, которые связываются с мыслями о вещах без того, чтобы как-нибудь сходствовать с этими вещами, прямо «напоминать» эти вещи./69//70/

Речь в названиях открывает совершенно исключительные возможности. С помощью речи в названиях можно разделять вещи, которые в изображении неразделимы (скажем, руку и ее взмах). С помощью речи в названиях можно связывать вещи, которые в изображениях несвязуемы (скажем, жизнь и смерть). В результате, с помощью речи в названиях можно обозначить отношения и связи, которые в изображениях необозначимы.

Собственно-речь — в основной ее форме — ограничена звуковой сферой. Это надо ставить в связи с тем, что в собственно речи отпадает всякое радио разграничения звуковых и двигательных работ, и все работы концентрируются в одной сфере, во всех отношениях наиболее удобной. То, для чего в изобразительной речи есть только предпосылки, в собственно-речи достигается.

Звуковой характер собственно речи — вещь необязательная. Так, мы пользуемся и письменной речью, которая от того, что построена в

звуковой, а <не> в начертательной сфере, не перестает быть собственно-речью.

В этой связи нелишне указать на то, что у многих культурно отсталых племен, в обстановке религиозных и от них производных бытовых запретов, а отчасти и вне этой обстановки, употребляется особая двигательная речь. Эта двигательная речь играет роль перевода звуковой речи, пользуется двигательными названиями вещей, как звуковая звуковыми, выражает то же собственно-мышление, что звуковая, следовательно, в этой же мере заслуживает названия собственно-речи, что звуковая. Это /70//71/ двигательная собственно речь.

Со смысловой стороны собственно-речь вполне заслуживает своего названия. Она укладывается в речевую цепь. То, для чего в изобразительной речи есть только предпосылки, в собственно-речи опять-таки достигается.

Собственно-речь соответствует собственно-мышлению. Это явствует из сопоставления их существенных признаков.

Нет надобности останавливаться на характеристике явлений звуковой собственно-речи, как мы это делали по отношению к эмоциональным вскрикам, сигнальным речениям и изобразительным речениям. Звуковая собственно-речь хорошо изучена. В частности, трудами акад. Н. Я. Марра и акад. И. И. Мещанинова, она хорошо изучена в стадильном отношении.

Отметим, что в звуковой собственно-речи достигается настоящая фонетическая членораздельность, основывающаяся главным образом на противостоянии и связи (внутри слога) фонем. Достигается она, однако, не сразу.

Отметим также, что в звуковой собственно-речи достигается настоящая грамматическая членораздельность, основывающаяся главным образом на противостоянии и связи (внутри сообщительно-законченной единицы — предложения) синтаксически-отдельных единиц — слов. Достигается она, однако, тоже не сразу./71//72/

Часть II. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И «ЭРЫ» РАЗВИТИЯ МЫШЛЕНИЯ И РЕЧИ

Мы уже указывали, что от укладов мышления и речи можно умозаключать к ходу их развития. Они пережили ряд «эр» развития — громадных периодов развития, когда возникали принципиально совершенно новые существенные их признаки. Без таких «эр» дело обойтись не могло, так как мышление и речь, как и все в человеческом обществе, развивались со ступени на ступень и подъем на каждую новую ступень требовал определенного промежутка времени. Сколько именно

было «эр» развития мышления и речи ясно из того, сколько можно наблюдать их укладов. Очевидно, что на смену бесконечно долгого времени, когда ни мышления, ни речи еще не было, пришла, вместе с человеком, «эра» наглядно-действенного мышления и сигнальной речи, на смену ей — «эра» наглядно-образного мышления и изобразительной речи, а на смену той — «эра» собственно-мышления и собственно-речи. К прослеживанию этих «эр», а с ними и всего процесса возникновения и развития мышления и речи мы и переходим. На различных стадиях развития внутри этих «эр» мы пока останавливаться не будем.

1. Возникновение человека

Ф. Энгельс в статье «Роль труда в процессе очеловечивания обезьяны» обрисовал картину становления человека.

Человек — потомок до-человеческих предков и ближайшим образом антропоида особой «породы», которая исчезла, когда этот антропоид превратился в человека.

Предпосылками очеловечивания были, во-первых, стайный/72//73/ образ жизни и, во-вторых, некоторые особенности физической организации сложившиеся в особых условиях существования, именно рука, освобожденная от работы по передвижению и пригодная для разнообразнейших других работ, и соответственно развитой мозг.

Эпоха очеловечивания наступила тогда, когда в стае антропоидов воспитался труд — сознательно целеустремленная производительная деятельность, школа всякой сознательно целеустремленной деятельности.

Как сознательно целеустремленная деятельность труд предполагает, с одной стороны, сознательную постановку целей и сознательный выбор путей и средств для их достижения, включая новые, еще не использованные без ограничения их готовыми природными данными, а с другой стороны, практическое устремление к поставленным целям по выбранным путям и с помощью выбранных средств под неослабным управлением и контролем сознания в связи с неослабным напряжением воли, преодолевающим внешние препятствия и внутренние задержки.

Носителем очеловечивания была прежде всего стая антропоидов, воспитавшая труд. Труд, соответственно направив ее деятельность и соответственно поставив связи между входившими в её состав особями, претворил ее в человеческое общество. Вместе с тем носителем очеловечивания оказался и каждый отдельный входивший в состав этой стаи антропоид. Труд, соответственно направив его деятельность и соответственно поставив его связи с другими входившими в состав этой стаи особями, претворил его в человека. /73//74/

Возникнув, человеческое общество и человек стали развиваться под знаком труда, который их создал.

С одной стороны, труд (сознательно целеустремленная производительная деятельность) стал совершать завоевания, выходявшие за рамки биологически обеспеченных возможностей. Они охватывали все поле деятельности человеческого общества и человека: сам труд, все, что нужно для труда, все, для чего нужен труд, все, что прямо или косвенно связано с трудом. Имея общественный характер, они стали непрерывно передаваться из поколения в поколение, количественно накапливаться и качественно преобразовываться. Так человеческое общество и человек вступили на путь культурного развития.

С другой стороны, труд и проистекающее из него культурное развитие стали воздействовать на биологическое развитие человека, начиная от руки и мозга и кончая самыми отдаленными «химическими уголками». Это воздействие укреплялось и углублялось по мере освобождения человека из-под влияния природы. Так определилась новая линия биологического развития человека.

2. Возникновение мышления и речи

Мышление это (сознательно целеустремленная) интеллектуальная (сообразительная) деятельность, развивающаяся в обществе на культурных началах.

Речь это (сознательно целеустремленная) осмысленная, проникнутая мыслью коммуникативная (сообщительная) деятельность, развивающаяся в обществе на культурных началах. /74//75/

Выяснить возникновение мышления и речи возможно лишь при условии, если ориентироваться на мышление и речь низшего уровня, то есть на наглядно-действенное мышление и сигнальную речь.

Если ориентироваться на наглядно-действенное мышление и сигнальную речь, то оказывается, что возникновение труда ознаменовало собой возникновение также мышления и речи. Посмотрим, в чем дело.

Начнем с мышления. Труд имеет две стороны: стороны практическую и сторону интеллектуальную, куда входят сознательная постановка целей и сознательный выбор путей и средств для их достижения, равно как неослабное управление и контроль сознания при практическом устремлении к поставленным целям по выбранным путям и с помощью выбранных средств. Интеллектуальная сторона труда это некоторая несамостоятельная интеллектуальная деятельность. Сознательное целеустремление, проникающее труд, проникает и её (более того: опирается на нее). Развитие в обществе на культурных началах, захватывающее труд, как и все, что связано с трудом, захватывает и ее. Оказывается: интеллектуальная сторона труда составляет не что иное, как некое несамостоятельное мышление — наглядно-действенное мышление.

Теперь перейдем к речи. Труд, поставленный общественно (а в обществе труд не может не ставиться общественно), неизбежно включает в свой состав работы коммуникативного порядка. Откуда они берутся, об этом удобнее будет сказать дальше в своем месте. Пока можно ограничиться указанием, что примитивнейшие из них могут вести /75//76/ свой род от животных «сигналов». Работы некоммуникативного порядка, привходящие в труд, поставленный общественно, это некая несамостоятельная коммуникативная деятельность. Сознательное целеустремление, проникающее в труд, проникает и ее, делает ее осмысленной, вкладывает в нее мысль. Развитие в обществе на культурных началах, захватывающее труд, как и все, что связано с трудом, захватывает и ее. Оказывается: работы коммуникативного порядка, привходящие в труд, поставленный общественно, составляют не что иное, как некую несамостоятельную речь — сигнальную речь.

Нам представляется, что сказанное вполне освещает возникновение мышления и речи.

3. До-палеолитическое время и нижний палеолит.

Первый большой период развития человека — до-палеолитическое время и нижний палеолит. На этот первый большой период развития человека нельзя смотреть просто как на отрезок до-неолитического времени. Человек в этот период развития действовал совершенно по-особому, человеческое общество было построено на совершенно особых началах, да и физически человек был совсем особым человеком — находился на физическом уровне, близком к физическому уровню питекантропа (синантроп, гейдельбергская челюсть и т. д.), и далеко не достиг еще физического уровня неандертальца. Этот период развития приблизительно совпадает с моргановой первой ступенью дикости.

До-палеолитическое время и нижний палеолит длились, по расчетам П. П. Ефименко в «дородовом обществе», первый /76//77/приблизительно пятьсот тысяч лет, а второй приблизительно триста тысяч лет, в совокупности приблизительно восьмьсот тысяч лет, то есть восемь десятых того приблизительно миллиона лет, какие существует человек. Цифры эти, скорее всего, преуменьшенные.

В течение рассматриваемого периода человек медленно, невообразимо медленно преодолевал свое животное прошлое. И сделал он за этот период как будто совсем немного. Но это немного было исключительно важно: оно вполне сформировало человека.

По отношению к до-палеолитическому времени пока нет вполне достоверных находок. По отношению к нижнему палеолиту обнаружены только первые грубейшие изделия из кремня — грубейшие режущие пластины и как высшее достижение грубейшие ручные рубила, куски

кремня, оббитые так, что их можно зажать в руке и действовать заостренным концом. Никаких следов кострищ — очевидно, еще не было изобретено добывание огня. Никаких следов жилищ — очевидно, еще не была найдена идея устройства жилища. Вообще никаких следов широко развернутой хозяйственной деятельности.

Человек рассматриваемого периода, как это единогласно признается, был только собирателем — собирателем в частности в животном мире, еще не охотником.

Собирательство было самое примитивное. Это было собирательство ради сегодняшнего дня.

Сегодняшний день, текущий момент — вот что определяло деятельность человека рассматриваемого периода. «Райский» климат того времени вполне разрешал такую, /76//77/ можно сказать, роскошь.

Формы коллективного труда этому соответствовали. Не было форм коллективного труда, которые были бы основаны на более или менее далеком учете и на более или менее далеком расчете. Труд «скопом», простое сложение сил, создающееся по требованию текущего момента, составляло основную форму коллективного труда.

Формы общественной жизни тоже этому соответствовали. Общественную жизнь определял в основном труд «скопом». Общество имело характер скопа, где еще не сложилось сколько-нибудь ясные начала организации. Оно отличалось от стаи антропо<и>дов только спайкой на основе коллективного труда, как бы он не был прост.

В обществе рассматриваемого периода не было ничего, что бы строго закрепляло и замыкало его состав. Конечно, по естественному ходу вещей, в каждом скопе преобладала одна и та же «кровь». Но это не имело еще никакого общественного значения. Конечно, в каждом скопе действовала трудовая спайка. Но власть ее была весьма относительна. Дело в том, что у скопа не было никаких обширных хозяйственных накоплений. К скопу могли прибиваться новые особи, без того, чтобы другие особи, без того, чтобы другие особи должны были делиться с ними чем-нибудь особенно значительным. Некоторые особи могли отбиваться от скопа, без того чтобы терять какую-нибудь особенно ценную долю в его достоянии. Состав скопа был в некоторой мере текучий. Существовал некоторый неорганизованный обмен людьми между разными скопами. Вместе с тем существовал и некоторый неорганизованный обмен культурными достижениями, некоторое /78//79/неорганизованное культурное выравнивание, удостоверяемое историей материальной культуры.

Само собою разумеется, что положение вещей понемногу осложнялось, понемногу шла подготовка к последующему периоду развития.

4. «Эра» наглядно-действенного мышления и сигнальной речи

Характерная особенность до-палеолитического времени и нижнего палеолита — ограничение «кругозора» человеческой деятельности текущим моментом, переживаемой действенной ситуацией. Положение вещей понемногу осложнялось, рамки текущего момента, переживаемой действенной ситуации понемногу расширялись, но качественный скачок можно связывать только с переходом к следующему периоду.

Не видно ничего, что бы заставило допускать для до-палеолитического времени и нижнего палеолита какое-нибудь иное мышление, кроме наглядно-действенного, и какую-нибудь иную речь, кроме сигнальной. До-палеолитическое время и нижний палеолит можно связывать с «эрой» наглядно-действенного мышления и сигнальной речи.

Возникновение наглядно-действенного мышления в своем месте уже освещено в достаточной мере, и к этому сейчас нет надобности возвращаться.

Что касается возникновения сигнальной речи, то оно в своем месте освещено только в основном. Остался неосвещенным вопрос: откуда брались сигналы? Надо раз- /79//80/ чать первые и не-первые сигналы. Мы знаем, что «сигналы» (в кавычках) есть и в распоряжении животных. Какое-нибудь *Ай!* (пусть не совсем так или совсем не так звучащее) в соответствующей обстановке может быть «сигналом», по которому целая «компания» испуганно разбегается или бежит в одном направлении. Именно так надо представлять себе «сигнал» вожака стаи или стада об опасности — «сигнал», который в абстрактных категориях разбирает С. Л. Рубинштейн в «Основах общей психологии» (стр. 344). Сходным образом надо представлять все другие практикуемые животными «сигналы». Их особенность та, что они не имеют никакого отношения к сознательной целеустремленной деятельности. Но стоит внести в него сознательное целеустремление, осмыслить их, вложить в них мысль, как перед нами уже не «сигналы» (в кавычках), а настоящие человеческие сигналы (без кавычек).

Первые сигналы так и возникли. Что касается не-первых, то они вполне понятны. Трудно было лишь овладеть идеей сигнала. Когда же эта трудность была преодолена, в постоянном общении между людьми роль сигналов могла закрепляться и за теми звуковыми или двигательными работами, которые сопровождали действия или входили в состав действий, а потому наводили мысль на эти действия. Добавим, что любого происхождения сигналы содержали в себе возможность изменений, новых использований и т. д.

Конкретно представить себе наглядно-действенное мышление и сигнальную речь, как они были в «эру» свое-/80//81/ го нераздельного господства, конечно, невозможно.

Все же есть две вещи, которые можно с уверенностью утверждать о сигнальной речи того времени.

Во-первых: сигналы того времени были отнюдь не похожи на наши сигналы. Форма их была грубейшая. Особенно это надо сказать о звуковых сигналах: произносительные органы еще едва вступили на путь человеческого развития. Содержание сигналов определялось своеобразными условиями существования того времени.

Во-вторых: сигналы того времени охватывали человеческую деятельность полнее, чем наши сигналы. Они представляли единственную речь человека и должны были полностью обслуживать потребность человека в речи, поскольку эта потребность была развита. В связи с этим они могли с течением времени достигнуть своеобразного «процветания». Впоследствии, с появлением речи более высокого уровня, значение сигналов не могло не упасть.

Добавим, что сигналы того времени, надо думать, мало дифференцировались по отдельным человеческим объединениям. Состав человеческих объединений в до-палеолитическое время и в нижнем палеолите, с которыми можно связывать нераздельное господство сигнальной речи, был в некоторой мере текучий, и для того, чтобы могло сложиться настоящее противостояние различных языков, не существовало условий. Собственно говоря, понятие языка совсем не подходит к обстановке того времени.

Само собой разумеется, что положение вещей понемногу осложнялось, понемногу шла подготовка к следующей «эре» развития./81//82/

5. Средний палеолит

Второй большой период развития человека — средний палеолит. На этот второй большой период развития человека тоже нельзя смотреть просто как на отрезок до-неолитического времени. Человек в этот период действовал совершенно по-особому, человеческое общество было построено на совершенно особых началах, да и физически человек стал совсем особым человеком — поднялся на уровень неандертальца. Этот период развития в некоторых чертах совпадает с моргановой второй ступенью дикости.

Средний палеолит длился, по расчетам П. П. Ефименко в «Дородовом обществе», приблизительно полтора-два тысяч лет, закончившись — в наиболее прогрессивных человеческих объединениях — приблизительно пятьдесят тысяч лет тому назад. Указанная длительность среднего палеолита, скорее всего, преуменьшенная.

В течение среднего палеолита человек сделал громадные завоевания. Скачек от нижнего палеолита к среднему — изумительный.

Раскопки обнаруживают довольно большой набор разных каменных, а под конец и костяных орудий. Было изобретено добывание огня. Стали устраиваться жилища, и прежде всего в пещерах. Некоторые орудия удостоверяют, что стала мастериться одежда из шкур.

Человек среднего палеолита стал охотником. В пещерах обнаруживаются колоссальные залежи костей крупных животных — мамонта, шерстистого носорога, дикой лошади, /82//83/ благородного и большерогого оленя, бизона, пещерного медведя и т. д. Нельзя, конечно, преувеличивать техническое совершенство охоты в среднем палеолите. П. П. Ефименко в «Дородовом обществе» пишет: «Нам трудно следовать за Зергелем, который считает, что мустьерский (средне-палеолитический — Д. В.) человек широко пользовался.....

качестве главного средства охоты таким относительным.....

ным приспособлением, как ямы-западни для ма.....

ты даже на такого зверя, как носорог и мамонт.....

но неясно, как человек мог вырывать требова.....

такой охоты громадные ямы с помощью своих, не.....

очень простых деревянных орудий. Во всяком случае.....

очевидно, должен был прибегать ко всякого рода улов.....

основанным на знании привычек зверя, так как его охотничье вооружение было слишком несовершенным для непосредственной борьбы, по крайней мере, с более крупными и сильными представителями животного мира. Уже в эту же эпоху, вероятно, возникает охота с помощью загона огнем на выбранных участках степи, прилегающих к крупным ущельям, так же как использование для той же цели водопоев в местах, удобных для охоты. Главным оружием охоты мустьерскому человеку служила увесистая дубина и копье в виде заостренной тонкой жерди из твердого дерева с обожженным концом... Судя по некоторым находкам, можно думать, что наряду с ними он применял для охоты в открытых местностях болас, то есть крупные связанные ремнями каменные шары, которыми при удачном забросе опутываются ноги бегущего животного /83//84/

Ему была известна также праща в виде ременной петли, с помощью которой он метко попадал камнем в преследуемое животное, округлые, часто намеренно отесанные камни для метания составляют обычную находку в мустьерских стоянках».

При всем техническом несовершенстве средне-палеолитической охоты она была связана со сложным хозяйствованием, основанным на далеком учете и на далеком расчете.

Охотник среднего палеолита уже ни в коем случае не жил интересами только сегодняшнего дня, текущего момента. По видимому, его хозяйственный учет и расчет приближались к годовому циклу охотничьих работ. Похолодание, связанное с продвижением великого

ледника — похолодание, только немного смягчавшееся влажностью климата — делало приближение к годовому циклу охотничьих работ неизбежным.

Формы коллективного труда этому соответствовали. Первобытное действие «скопом» уже никак не могло обслужить сильно усложнившееся хозяйство. Неизбежно было сложение целых цепей действия, связанных с тем или иным распределением работ. Есть основание говорить и о поло-возрастном разделении труда: отмечено различие между мужским и женским каменными «ножами».

Формы общественной жизни тоже этому соответствовали. Общество имело уже характер орды, где упорядочивалось распределение работ. Не могли не возникнуть какие-либо начала распорядительства. Как ставилось распорядительство, кто и на каком основании распоряжался /84//85/ мы не знаем.

Было нечто, что строго замыкало и закрепляло состав орды. В орде было уже довольно большое, ревниво оберегаемое хозяйство, к которому не мог быть свободно допущен посторонний, и от участия в котором никто добровольно не отказывался. Отсюда возникала строгая закреплённость состава орды. В обстановке неналаженности отношений между ордами к этой строгой закреплённости состава орды прибавлялась ее замкнутость. Этим объясняется, между прочим, множественность «индустриальных типов» человеческих объединений в среднем палеолите.

Замкнутость состава каждой орды имела ряд неблагоприятных следствий. Культурное развитие задерживалось. Продолжительность среднего палеолита — больше, чем можно было бы ожидать на основании расчетов ускорения темпов культурного развития. Сильно страдало физическое развитие человека: каждая орда размножалась внутри себя, без освежающего прилива новой «крови». Вирхов, разглядывая череп неандертальца, охарактеризовал его как череп вырожденца. Вырожденцем неандерталец, конечно, не был, но размножение орды внутри себя не могло не наложить на него свою печать.

Замечательно, что со средним палеолитом приходится связывать первые попытки осмыслить мир и жизнь, однако лишь в пределах возможностей наглядно-образного мышления, каковые возможности очень невелики. Появилось погребение в позе спящего в сопровождении кое-какого запаса пищи и кое-каких орудий. Очевидно, мертвый /85//86/ приравнивался к спящему, который может проснуться и ощутить потребность в пище и орудиях. Никакой мистики, которая предполагает собственно-мышление особой направленности, тут еще не было.

Замечательно также, что со средним палеолитом приходится связывать первые намеки на изобразительные искусства. Дело идет только о намеках и притом весьма неопределенных. Обнаружено употребление красящих веществ. Неизвестно, просто ли человек себя красил (охра в

смеси с жиром может быть использована как защищающее от холода средство) или раскрашивал, а если раскрашивал, то вносил ли в раскрашивание изобразительные моменты. Обнаружен один камень с нанесенными на него краской чертами. Этот камень допускает различные объяснения. Несмотря на неопределенность намеков этого рода, не приходится сомневаться, что овладение наглядно-образным мышлением обеспечивало возможность появления изобразительных искусств. Они, вероятно, и появились. Но они не могли развиваться в сколько-нибудь значительной мере. Какая-нибудь кукла могла быть высшим их достижением. Дело в том, что в изобразительных искусствах было, пока что, очень мало практической надобности. Совсем другое дело — развитие изобразительных искусств в последующий период, когда возникла мистика, когда изобразительные искусства оказались признаны к созданию средств мистического воздействия на мир, когда они таким образом приобрели остро «практическое» значение. /86//87/

6. «Эра» наглядно-образного мышления и изобразительной речи

Характерная особенность среднего палеолита — сложение хозяйствования, которое требовало едва ли не годичного цикла работ, а вместе с тем расширения «кругозора» человеческой деятельности далеко за рамки текущего момента, переживаемой действительной ситуации.

Наглядно-действенное мышление и сигнальная речь, пригнетенные к переживаемой действительной ситуации, ни в коем случае не могли удовлетворять человека среднего палеолита. Он должен был подняться до наглядно-образного мышления и изобразительной речи. Что возникло наглядно-прочное мышление, совершенно точно удостоверяют погребения в позе спящего. А изобразительная речь составляет «пару» к наглядно-образному мышлению. С другой стороны, не видно ничего, что бы заставляло допускать для среднего палеолита более высокое мышление, чем наглядно-прочное, и более высокую речь, чем изобразительную. Средний палеолит можно связывать с «эрой» наглядно-образного мышления и изобразительной речи.

Переход от наглядно-действенного мышления к наглядно-прочному вполне ясен. Постепенно связь между мыслью и текущим моментом, переживаемой действительной ситуацией стала расшатываться. Приходилось мыслить в порядке все более далекого учета и все более далекого расчета. Рамки текущего момента, переживаемой действительной ситуации все расширялись. Место наглядного содержания переживаемой действительной ситуации стали все в большей мере занимать наглядные образы, питаемые воображением. /87//88/ А затем связь между мыслью и текущим моментом, переживаемой действительной ситуацией стала вообще необязательна. Приходилось мыслить и в порядке изучения «поля» действия, не

предусматривая заранее никакого определенного действия и вообще не решая вопроса о действовании. Наглядные образы, питаемые воображением, могли оказываться властителями положения. Это означало появление мышления как некоей относительно самостоятельной деятельности, то есть появление наглядно-образного мышления.

Переход от сигнальной речи к изобразительной в основном тоже ясен. Рамки переживаемой действительной ситуации раздвигались не только для мысли, но и для сигнала. Сигнал, измененный разве только в интонационном отношении (меньшие «энергичности») стал способен не только отмечать, но и изображать действительную ситуацию. По этому поводу мы должны вспомнить об изобразительной трансмутации низших выразительных явлений. Небесполезно вспомнить приведенные в своем месте примеры изобразительной трансмутации сигналов: *Чуть вечер — алло! Юрочка, Гай или котик Билибин* (И. Сильвинский, «Уляевщина»), *Уж, ау, брат, прежнего не воротить* (А. Островский «На бойком месте»), *Все только в душе подлецом считают, а в глазах, кроме восхвалений да улыбок — ни-ни!* (А. П. Чехов «Разговор человека с собакой»), *Пиши пиши... Я ведь так только, гуляючи... Два словечка скажу — и ай-да!* (Чехов «Дипломат»), *А ваше дело, Глеб Глебыч — цап!* (Чехов «Суд»), *А теперь рад бы разжентиться, да тпрррр...* (Чехов «От нечего делать»), *Уперся как лошадь — ни тпру, ни ну* (А. Островский, 188/189/ «Свои люди — сочтемся»), *Поклон, понимаете, и — прощаете!* (Гоголь «Мертвые души»), *Дадите четвертную и материал на платье — и спасибо!* (Чехов «Хороший конец»). В каждом деле трудно только начало. Так и в данном случае: трудно было только постигнуть идею изображения. Раз она была постигнута, стали расти новые изобразительные работы, уже не связанные по происхождению с сигналами. В них была прямая необходимость. Поднятые на изобразительную высоту, сигналы оказались вырваны из объясняющих их действительных ситуаций и не понимались достаточно ясно. Нужны были пояснители, и новые изобразительные работы их собою и представляли. Само собой разумеется, что эти новые изобразительные работы, возникнув, оказывались способны выступать и независимо от изобразительно трансмутированных сигналов. Добавим, что любого происхождения изобразительные работы содержали в себе возможность изменений, новых использований и т. д.

Конкретно представить себе наглядно-образное мышление и изобразительную речь, как они были в эру своего господства невозможно.

Все же есть две вещи, которые можно утверждать об изобразительной речи того времени.

Во-первых, изобразительные работы того времени были отнюдь не похожи на наши изобразительные работы. Форма их была грубоватая. Особенно это надо сказать о звуковых изобразительных работах, так как произносительные органы еще недалеко ушли по пути человеческого

развития. Мы и в наших изобразительных речениях наблюдаем, как это в своем месте указано, жизнь фонетических комков. Содер /89//90/ жание изобразительных работ определялось условиями существования того времени.

Во-вторых: изобразительные работы того времени охватывали поле мышления полнее, чем наши изобразительные работы. Они представляли «высшую» по тому времени речь и должны были до конца обслуживать потребности человека в речи. В связи с этим они могли с течением времени достигнуть своеобразного «процветания». Впоследствии, с появлением собственно-речи, значение изобразительных работ не могло не упасть. Его падение продолжается и в наши дни и может служить предметом наблюдения. В языках народов, сравнительно недавно приобщившихся к современной культуре, мы наблюдаем еще поразительное богатство изобразительных речений, между тем у нас изобразительные речения в смысле богатства заставляют уже желать весьма многого.

Добавим, что изобразительные работы того времени не могли не дифференцироваться по отдельным человеческим объединениям весьма сильно. Состав человеческих объединений в среднем палеолите, с которым можно связывать господство изобразительной речи, стал замкнут. Должно было появиться — впервые в истории человека — настоящее противостояние различных языков. Чтобы это было вполне ясно, напомним, что изобразительность изобразительных работ определяется не столько объективными признаками, сколько «общественным мнением»./90//91/

7. Верхний палеолит

За средним палеолитом последовал верхний палеолит. Это начало совершенно новой полосы развития человека. Человек в верхнем палеолите стал действовать совсем по-новому, человеческое общество стало строиться на совершенно новых началах, да и физически человек стал совсем новым человеком — поднялся, наконец, на уровень «хomo сапиенс»а, разумного человека, не отличающегося от современного. Первые шаги дикости остались уже позади.

Верхний палеолит (без эпипалеолита) длился, по расчетам П. П. Ефименко, в «Дородовом обществе», приблизительно 30 тысяч лет, закончившись — в наиболее прогрессивных человеческих объединениях — приблизительно 20 тысяч лет тому назад.

Это период, который известен не только по раскопкам, но отчасти и по прямым наблюдениям. Тасманийцы, вымершие в 19 в., только втягивались из среднего палеолита в верхний. Много других культурно отсталых племен до 20 века втягивалось из верхнего палеолита в неолит.

Конечно, в относительно поздние времена верхний палеолит нигде не мог быть представлен, так сказать, в чистом виде, так как везде так или иначе должно было сказываться прямое или опосредованное воздействие высоких культур на низкие. Поэтому о верхнем палеолите, так сказать, в чистом виде приходится судить все-таки главным образом по раскопкам. Соответственно мы его дальше и изображаем.

В верхнем палеолите человек сделал новые громадные завоевания. Скачок от среднего палеолита к верхнему /91//92/ — опять-таки изумительный.

Раскопки обнаруживают чрезвычайно богатый набор разнообразнейших каменных и костяных орудий и иных изделий, сработанных подчас с величайшим мастерством, хотя и без шлифовки, которая наметилась лишь в некоторых предпосылках. Выделяются бесконечно обильные памятники изобразительных искусств — скульптуры, рельефа и рисунка. Особенно много дает рисунок. Он воспроизводит самые различные сцены и позволяет судить о самых различных общественных институтах, в частности, об институтах мировоззренческого порядка, — пожалуй, о последних больше всего, так как изобразительные искусства расцвели именно на службе последних. Человек верхнего палеолита поднял охоту на весьма высокую ступень. Охота на мамонта стала ставиться по-новому. П. П. Ефименко в «Дородовом обществе» пишет следующее: «Можно предполагать, что человек применял для этой охоты различные приемы, которые и сейчас практикуются отсталыми народностями для поимки крупных толстокожих. Особенную роль здесь должны были играть ловушки в виде ям, вырытых на тропинках, ведущих к водопоям, с забитыми на дно их острыми копьями, облавы с помощью огня, причем преследуемые животные загонялись в топкие места или в ущелья, где они добивались охотниками, и другие подобные способы. Может быть, человек уже применял метательные стрелы, отравленные сильнодействующим растительным или животным ядом, как это делают многие из современных наиболее /92//93/ низко стоящих охотничьих племен, что не мешает им пользоваться мясом отравленного животного. Во всяком случае, специализированный характер охоты в условиях верхнего палеолита был связан с глубоким знанием привычек зверя». Стала практиковаться и охота на целые стада диких лошадей и т. п. Их тоже загоняли в топкие места, в ущелья или, как свидетельствуют некоторые находки, на края крутых высоких обрывов. Сформировалась охота с переодеванием под зверя — сцены с таким переодеванием изображены в рисунках того времени. Во второй половине этого времени пошел в ход, как охотничье оружие, гарпун.

Для охоты верхнего палеолита характерно, что она стала вестись во всех отношениях планомерно. Охотились преимущественно на определенные породы животных: сначала преимущественно на мамонта и

дикую лошадь, потом все больше на северного оленя, который стал все больше распространяться. Охотились на определенных охотничьих участках, детально изученных и кое-в чем к охоте, надо думать, приспособленных. Охотничьи участки обычно чередовались в зависимости от сезона. Очевидно, был уже в полной мере разработан годичный цикл охотничьих работ.

Формы коллективного труда этому соответствовали. Распределение работ должно было сложиться и уточниться. Поло-возрастное разделение труда должно было укрепиться. Есть основание думать, что появились кое-какие специальности. Вряд ли можно сомневаться, что выделка изделий из камня и кости приходилась в значительной мере на специалистов. О труде в области /93//94/ изобразительных искусств и не говорим: совершенство произведений этих искусств прямо обнаруживает руку мастера, специалиста-художника. Не говорим также о «труде» в области религиозных действий, на которые указывают рисунки того времени: и тут дело не могло обойтись без «специалистов», игравших, конечно, немаловажную роль в обществе.

Формы общественной жизни тоже этому соответствовали. Вот что произошло. Подъем охоты привел к эксплуатации определенных охотничьих участков. Это требовало размежевания охотничьих участков между разными ордами, которые стали весьма многочисленны. На это почве между разными ордами сложились некие определенные, более или менее урегулированные, более или менее устойчивые отношения. Они должны были сказаться и в области брачных отношений. Должна была возникнуть экзогамия как определенный, более или менее урегулированный, более или менее устойчивый общественный институт. А вместе с экзогамией в жизнь должно было войти родовое начало. Оно в жизнь и вошло. Мыслилось оно на материнской основе: счет родства по матери всегда совершенно доступен; счет же родства по отцу тогда был вряд ли вообще возможен (в брачных отношениях состояли, как это признано, не отдельные люди, а группы людей). Насчет того, что родовое начало мыслилось на материнской основе, не оставляют сомнений женские статуэтки, столь многочисленные в находках, относящихся к первой половине верхнего палеолита. /94//95/

Состав человеческого объединения верхнего палеолита был строго закреплён, но уже не замкнут. Он уже не был замкнут потому, что установились правильные отношения с другими человеческими объединениями, на их почве экзогамия, а с ней и организованный обмен людьми. Понятно, что никаких явлений вроде множественности «индустриальных типов» человеческих объединений в верхнем палеолите уже не было.

Падение замкнутости человеческих объединений имело ряд чрезвычайно благоприятных следствий. Культурное развитие ускориалось.

Сильно выигрывало физическое развитие человека. Урегулированный прилив свежей «крови» в каждое человеческое объединение глубоко потряс физическую природу человека. То в физической природе человека, что благодаря эндогамии десятками тысяч лет (полтораста тысяч лет) подавлялось, стремительно развернулось. Вместо неандертальца появился homo-сапиенс, разумный человек, современный человек.

Обращает на себя внимание широкое развитие в верхнем палеолите новых попыток осмыслить мир и жизнь, предполагающих уже собственно-мышление. Родовое начало в жизни глубоко завладело мыслью человека верхнего палеолита. И он сделал это родовое начало основой своего мирозерцания. Мир для него, охотника, состоял из человека и зверя. Прежде всего привлек внимание человеческий род. В человеческом роде мыслилась некая глубина, и в ней была мистическая женщина-прародительница, держательница человеческого рода и его покровительница. /95//96/ (женские статуэтки первой половины верхнего палеолита). Затем привлек внимание и звериный род, мыслившийся по образцу человеческого рода. В зверином роде мыслилась тоже некая глубина, и в ней был мистический зверь-прародитель, держатель звериного рода и питатель человеческого (звериные статуэтки, рельефы и, наконец, рисунки в конце первой половины верхнего палеолита и во второй его половине). Между человеческим и звериным родами стала мыслиться связь — залог благосостояния первого — связь, уходившая в глубину брачных отношений между мистическими женщиной-прародительницей и зверем-прародителем (рисунки брачующихся женщины и зверя во второй половине верхнего палеолита). От мысли о связи был один шаг до мысли о тождестве. На этой почве сложились своеобразнейшие человеко-звериные мистерии с пляской в звериных масках и в звериных шкурах на первом плане (соответствующие рисунки во второй половине верхнего палеолита). В связи с указанным не могло не измениться понимание смерти. Женщина-прародительница была мертва, но и в смерти продолжала держать человеческий род и покровительствовать ему. Зверь-прародитель был мертв и даже съеден, но и в смерти продолжал держать звериный род и кормить человеческий. Смерть оказывалась некоей мистической жизнью в смерти. Соответственно стали ставиться и погребения. Для них характерно богатейшее вещественное сопровождение, особенно — исключительно богатый набор украшений. Это проводы в долгую новую жизнь./96//97/

Пышное развитие изобразительных искусств, куда надо относить и изобразительную пляску в составе человеко-звериных мистерий, было вызвано развитием перворелигии. Изобразительные искусства были призваны к созданию средств мистического воздействия на мир. Предполагалось, что изображение мистически тождественно с оригиналом, что имея при себе изображение, можно обеспечить присутствие и

оригинала, что воздействуя на изображение, можно обеспечить воздействие и на оригинал.

8. Начало «эры» собственно-мышления и собственно-речи

Характерная особенность верхнего палеолита — громадный подъем хозяйствования, приведший к сформированию родового начала в жизни.

Возникло многое, что уже не могло быть обслужено наглядно-образным мышлением и изобразительной речью. Обращает на себя внимание родовое начало в жизни. Мы уже имели случай заметить, что, например, родственные отношения не укладываются в рамки наглядно-образного мышления. Они не укладываются и в рамки изобразительной речи. Можно вообразить и изобразить мужчину и женщину, ребенка, взрослого человека и старика вообще. Но нельзя вообразить и изобразить ни одной из категорий родственных отношений. В верхнем палеолите должны были возникнуть собственно-мышление и собственно-речь. Возникновение собственно-мышления удостоверяется возникновением описанных новых попыток осмыслить мир и жизнь. /97//98/

Итак, верхний палеолит можно связывать с началом «эры» собственно-мышления и собственно-речи. Хомо-сапиенс, разумный человек, появившийся в верхнем палеолите, оказался с самого начала достоин присвоенного ему имени.

Переход от наглядно-образного мышления к собственно-мышлению вполне ясен. Уже наглядные образы не являются простыми мысленными воспроизведениями вещей. Они проникаются элементами обобщения. Но обобщение возможно только постольку, поскольку базируется на наглядных признаках. Поскольку оно требует базирования на признаках, выходящих за пределы наглядности, оно в наглядных образах невозможно.

С развитием человеческой деятельности возникают положения, когда обобщение на базе притоков, выходящих за границы наглядности, становится практически необходимо. Тут неизбежны перемены. Деятельность воображения вовсе не должна сойти со сцены. Но она должна уже выступать как нечто несущественное, не определяющее содержания мыслительных переживаний. Мысль должна подняться над уровнем воображения. Она должна обратиться к понятиям. Это в рассматриваемое время и произошло.

Переход от изобразительной речи к собственно-речи в основном тоже ясен. Уже изобразительные работы не являются простыми изобразительными воспроизведениями вещей. Их изобразительность, как мы знаем, опирается не столько на объективную натуральность, сколько на «общественное мнение». Параллельно с отходом мышления /98//99/ от наглядности в рассматриваемое время должен был развернуться и отход речи от изобразительности — тоже в своем роде наглядности.

Изобразительные работы стали делаться все меньше изобразительными. Такие вещи, как расширение, сужение, перенесение значений, спутывало и обрывало нити традиционной оценки их как изобразительных. Такие вещи как переход на началах «заимствования» из коллектива в коллектив (а коллективы в верхнем палеолите, как мы знаем, вступили в более или менее правильные отношения между собою), действовали еще более радикальным образом — отрывали речевые явления от традиционной оценки их как изобразительных совершенно. Изобразительные речения оказывались названиями вещей.

Как и всегда, трудно было только начало. Овладев идеей названия, человек мог уже создавать названия вещей, исторически не связанные с изобразительными работами. Намечаются некоторые возможности в этом направлении. Для примера укажем, что взрослые, владеющие идеей названия, нередко подхватывают идеи детского лепета как название вещей. В вопрос о возможностях создания названия вещей в условиях знакомства с идеей названия мы сейчас, впрочем, не хотели бы вдаваться.

В собственно-речи возникла звуковая концентрация. Предпосылки к ней, как мы знаем из характеристики изо- /99//100/ бразительной речи, существовали еще в последней. В собственно-речи отпало решительно всякое рацию разграничения звуковых и двигательных работ, и звуковые работы, вносящие громадные удобства, распространились за счет двигательных без всяких препятствий. Во избежание недоразумений нужно указать и подчеркнуть, что звуковая концентрация, протекшая в собственно-речи, не создавала никакие табу на какие-либо иные концентрации. В определенных условиях создавалась необходимость пользоваться не звуковой, а иначе концентрированной собственно-речью. Много культурно-отсталых племен пользуются и двигательной собственно-речью, источники которой — религиозные и произведенные от них бытовые запреты на звуковую высшую речь. Мы пользуемся, кроме звуковой, начертательной, письменной собственно-речью. Такие спутники звуковой собственно-речи вовсе не обязательные ее сверстники. Об этом удобнее всего судить по письменной собственно-речи. Она развилась у человека, уже владевшего собственно-речью и умевшего концентрировать речь в одной сфере. Она, в облегченных условиях и в ускоренных темпах, повторила движение от изобразительных работ к названиям вещей.

Звуковая концентрация была той основой, на какой в собственно-речи сложилась настоящая фонетическая членораздельность. Она сложилась не сразу. Это следует думать в связи с тем, что не сразу возникла другая настоящая членораздельность, грамматическая (о которой дальше). /100//101/

В собственно-речи, далее, возникла речевая цепь. Предпосылки к ее сложению, как мы знаем из характеристики изобразительной речи, существовали еще в последней.

Сложение речевой цепи было такой основой, на какой в собственно-речи развернулась настоящая грамматическая членораздельность. Она сложилась не сразу, а в результате весьма длительного процесса. Этот процесс прослеживается на основе стадильно-сравнительного изучения языков, начатого академиком Н. Я. Марром и блестяще продолженного академиком И. И. Мещаниновым. См. в особенности акад. И. И. Мещанинов «Общее языкознание».

Одну из самых важных особенностей собственно-речи составили совершенно новые отношения между языками. Верхний палеолит ставил отношения между языками в совершенно иные условия, чем средний палеолит.

В условиях среднего палеолита не могло развернуться формирование систем языков. С одной стороны, резкая замкнутость человеческих объединений в среднем палеолите исключала возможность формирования систем языков на основе связей между человеческими объединениями. С другой стороны, исключительно слабое размножение человека в среднем палеолите (удостоверяемое историей материальной культуры) исключало или крайне ограничивало возможность формирования систем языков на основе разделения человеческих объединений на «сыновние» (или «дочерние») объединения. Средний палеолит — время множества изолированных языков.

В условиях верхнего палеолита, наоборот, формиро- /100//101/ вание систем языков должно было развернуться самым широким образом. Первое, что нужно учесть, это падение замкнутости человеческих объединений в верхнем палеолите. Оно открывало самые широкие возможности формирования систем языков на основе связей между человеческими объединениями. Чтобы не было недоразумений, надо указать, что пока языки не обзавелись сложностью в своей структуре, связи между человеческими объединениями могли получать самое полное и разностороннее отражение в языковом плане. Могли создаваться широкие и далекие «течения», формировавшие системы языков. Второе, что нужно учесть, это стремительное размножение человека в верхнем палеолите (удостоверяемое историей материальной культуры). Оно было связано со стремительным ростом производительных сил, а отчасти и с освежающей кровью — экзогамией. Оно открывало самые широкие возможности формирования систем языков также на основе распада человеческого объединения на «сыновние» или «дочерние» объединения. Различные возможности формирования систем языков комбинировались. Верхний палеолит — время, когда было заложено распределение языков по системам.

Формирование систем языков не могло не протекать весьма сложно. Оно протекало тем сложнее, что отношения между человеческими объединениями не оставались неизменными. Изменились обстоятельства, а

следовательно и отношения между человеческими объединениями на местах. Кроме того, человеческие объединения не были «пришиты» каждое к одному определенному месту, а весьма часто по самым разнообразным причинам передвигались, следовательно, порывали старые отношения и заводили новые. Сложность жизни систем языков вообще такова, что по современной картине систем языков нельзя надеется составить даже приблизительное представление о первоначальной картине. Пока что, мы умеем проникать в историю систем языков не на десятки тысяч лет, а только на тысячи.

Дополнение. К истории вопроса

Выступая по вопросу о происхождении мышления и речи, мы должны остановиться на отношении сказанного нами к сказанному акад. Н. Я. Марром.

1. Наша зависимость от акад. Н. Я. Марра

Без акад. Н. Я. Марра мы не сказали бы того, что сказали.

Акад. Н. Я. Марр был человеком подвига. Свой громадный научный опыт, свою неисчерпаемую творческую энергию, все без остатка, что он мог отдать, он отдал делу диалектико-материалистической перестройки науки на тех участках, какими владел, и прежде всего на участке языкознания. У него бывали увлечения: мог ли человек с таким горячим сердцем не увлекаться? У него бывали ошибки: мог ли человек с такой нетерпеливой жаждой познания не ошибаться? Но основная линия его работы неоспоримо правильна.

Акад. Н. Я. Марр диалектико-материалистически развернул целую систему богатейших, плодотворнейших идей, выдвинутых основоположником марксизма и ленинизма. Это он диалектико-материалистически развернул идею единства развития речи и мышления. Это он диалектико-материалистически развернул идею общественно-хозяйственной обусловленности развития речи и мышления. Это он диалектико-материалистически развернул идею общечеловеческого, внерасового развития речи и мышления. Это он диалектико-материалистически развернул идею стадийности развития мышления и речи.

А затем, акад. Н. Я. Марр выдвинул ряд крупнейших вопросов, достойных советской науки. На многие, очень многие из этих вопросов он успел ответить. Особенно много он сделал в области стадийно-сравнительного изучения языков, которого он является основоположником. В этой области его гениальность проявилась с особым блеском.

В вопросе о происхождении мышления и речи акад. Н. Я. Марр имеет ту громадную заслугу, что обосновал право и обязанность науки взяться за этот вопрос как очередной и направил его разрешение в нужное русло.

Все это определяет нашу зависимость от акад. Н. Я. Марра.

2. Некоторые наши несогласия с акад. Н. Я. Марром

Начав работу по вопросу о происхождении мышления и речи, акад. Н. Я. Марр не довел эту работу до конца.

Объясняется это тем, что он не произвел сосредоточенного изучения укладов мышления и речи. В своей работе он, в сущности, не спускался в древность глубже последней из намеченных нами «эр». Историю мышления он прослеживал, в сущности, лишь постольку, поскольку дело касается понятий. Историю речи он прослеживал, в сущности, лишь постольку, поскольку дело касается названий вещей. Истоки мышления и речи остава- /104//105/ лись для него неясны. Если он и обсуждал их, то ограничивался допущениями, не прибегая к решительным утверждениям.

Указанное весьма суживает зону возможных наших несогласий с акад. Н. Я. Марром. Они возможны только по отношению к последней из наших «эр», да еще по отношению к историческим подступам к этой «эре», но исключаются по отношению к первым двум нашим «эрам».

Мы не будем останавливаться на тех наших несогласиях с акад. Н. Я. Марром, которые недостаточно затрагиваются нашим изложением или имеют второстепенный характер. В конце концов важно остановиться лишь на немногом.

Акад. Н. Я. Марр рассматривал звуковую речь как историческую приемницу двигательной. Историю первой он начинал с момента ее становления на исторической базе второй, в историческое прослеживание этой второй не вдаваясь. Как звуковая речь сложилась на исторической базе двигательной, этот вопрос являлся в глазах акад. Н. Я. Марра исключительно важным. Вопрос этот он разрешал следующим образом. По ходу развития перворелигии сложилось труд-магическое действие, куда входили пляска и т. д. (ср. человеко-звериные мистерии второй половины верхнего палеолита). В этом труд-магическом действе, основа которого была двигательная, оформились и некоторые особые вскрики. Они прониклись тем смыслом, какой вкладывался в труд-магическое действие в целом, и оказались элементами звуковой речи. Из них-то и развилась звуковая речь во всем ее богатстве и многообразии. По мере своего развития звуковая речь вытесняла двигательную, в то же время впитывая в себя все коммуникативные достижения последней. /105//106/

Мы отнюдь не отрицаем богатого и многообразного участия двигательных работ в истории речи. Мы его самым решительным образом

утверждаем. Но мы совершенно отказываемся признать, что концентрированной звуковой речи исторически предшествовала концентрированная же двигательная. Вместе с тем мы совершенно отказываемся следовать за построениями акад. Н. Я. Марра, опирающимися на такое признание.

Прежде всего, мы не видим никаких надежных оснований для утверждения акад. Н. Я. Марра об историческом приоритете двигательной речи по отношению к звуковой. Та двигательная речь, которая наблюдается у некоторых культурно-отсталых племен в условиях религиозных и производных от них бытовых запретов, а отчасти и за этими пределами, может рассматриваться как спутник звуковой речи, возникший в указанных условиях. То обстоятельство, что образ руки в речи всех народов играет исключительно важную роль, вполне понятно и вне всякого отношения к двигательной речи. Комментаторы акад. Н. Я. Марра указывали на то, что трудовое происхождение речи постулирует использование в качестве первого органа речи главного органа труда — руки. Но сам акад. Н. Я. Марр сторонился такого упрощенческого указания. Он отнюдь не был склонен рассматривать двигательную речь как перворечь. Наоборот, он вполне допускал, что речь начала с использования самых разнообразных средств и лишь с некоторых пор сконцентрировалась в двигательном плане. См. об этом в особенности его труд «Язык и мышление».

Далее мы видим в утверждении акад. Н. Я. Марра об историческом приоритете двигательной речи по отношению к звуковой кое-что весьма маловероятное. Весьма маловероятно, например, что человек, употреблявший некоторое время речь, где использовались самые разнообразные средства, в том числе звуковые, вдруг на сотни тысяч лет «замолчал» и продолжал бы «молчать», пожалуй, вечно, если бы ни труд-магическое действие.

Наконец, мы видим совершенно определенные противопоказания против утверждения акад. Н. Я. Марра об историческом приоритете двигательной речи по отношению к звуковой. С одной стороны, такие противопоказания мы находим в настоящем — в постановке укладов речи. С другой стороны, мы находим их и в прошлом. Ископаемые человеческие челюсти совершенно неоспоримым образом устанавливают, что человеческие органы произношения развивались медленно, но неуклонно на всем протяжении существования человека, начиная с «момента» очеловечивания. Никакого «провала» в этом развитии, который можно было бы связать с установлением на сотни тысяч лет двигательной речи, констатировать нельзя. /107//108/

В заключение — тезисы, выделяющие важнейшее в содержании настоящей статьи:

1. В наших мышлении и речи можно наблюдать различные уклады, т. е. различные сосуществующие уровни. Они группируются в пары: каждому укладу мышления соответствует определенный уклад речи.

2. Низшую пару составляют наглядно-действенное мышление и сигнальная речь. Признаки наглядно-действенного мышления: во-первых, оно составляет неотъемлемую сторону действия; во-вторых, оно опирается на наглядное содержание переживаемой действительной ситуации. Признаки сигнальной речи: во-первых, она составляет неотъемлемую принадлежность действия, когда оно ставится общественно; во-вторых, она еще не изображает и тем более не называет вещей, а только отмечает вещи, поскольку они входят в поле восприятия.

3. Среднюю пару составляют наглядно-образное мышление и изобразительная речь. Признаки наглядно-образного мышления: во-первых, оно уже составляет относительно самостоятельную (по отношению к действию) деятельность; во-вторых, оно опирается на наглядные образы, питаемые воображением. Признаки изобразительной речи: во-первых, она уже составляет относительно самостоятельную (по отношению к действию) деятельность; во-вторых, она уже изображает вещи, воспроизводит их «образы», но еще не называет вещей.

4. Высшую пару составляют собственно-мышление и собственно-речь. Признаки собственно-мышления: во-первых, оно составляет относительно самостоятельную (по отношению к действию) деятельность, во-вторых, оно опирается уже на понятия. Признаки собственно-речи: во-первых, она составляет относительно самостоятельную (по отношению к действию) деятельность; во-вторых, она уже называет вещи.

5. От укладов мышления и речи можно умозаключать к «эрам» их развития. Эти «эры» прямо связываются с этапами общественно-хозяйственного развития человека.

6. Эра наглядно-действенного мышления и сигнальной речи развернулась в общественно-хозяйственных условиях допалеолитического времени и нижнего палеолита. Наглядно-действенное мышление и сигнальная речь возникли внутри труда. По характеру используемых средств сигнальная речь была смешанной — звукодвижительной.

7. «Эра» наглядно-образного мышления и изобразительной речи развернулась в общественно-хозяйственных условиях среднего палеолита. Наглядно-образное мышление и изобразительная речь возникли на основе роста и преобразования наглядно-действенного мышления и сигнальной речи. Изобразительная речь с течением времени обогатилась явлениями не-сигнального происхождения. По характеру используемых средств изобразительная речь оставалась смешанной звукодвижительной, но в ней уже сложились предпосылки звуковой концентрации.

8. «Эра» собственно-мышления и собственно-речи началась в общественно-хозяйственных условиях верхнего палеолита. Собственно-мышление и собственно-речь возникли на основе роста и преобразования наглядно-образного мышления и изобразительной речи. Собственно-речь с течением времени обогатилась явлениями не-изобразительного /109//110/ происхождения. Для собственно-речи характерна звуковая концентрация. Наряду с звуковой собственно-речью слагались однако и не-звуковые ее спутники. В частности в условиях религиозных и производных от них бытовых запретов сложилась двигательная собственно-речь.

9. Методологические предпосылки разрешения вопроса о происхождении мышления и речи разработал акад. Н. Я. Марр. Но проработать вопрос до конца он не успел. С некоторыми его положениями сейчас нельзя согласиться.

Д. В. Бубрих^{<2>}

19.01.1944

Примечания

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. М.: 1955. Т. 1. С. 45–46.

² Автограф.